

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ

Татьяна Владимировна Пикина¹, Олег Александрович Пучков²

¹Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия;
Владимирский юридический институт федеральной службы
исполнения наказаний, Владимир, Россия
t.v.pikina@mail.ru

²Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия
argun061@gmail.com

Аннотация. Статья содержит исследование актуальной теоретической проблемы ограничения правового статуса. Авторы исходят из того, что эта проблема в реальной юридической практике решается законодателем без применения какой либо системы рациональных, теоретически выверенных правил, норм и принципов осуществления ограничения правового статуса. В силу этого актуальной теоретической задачей становится выработка теоретических основ практики применения ограничений правового статуса, для чего вначале авторы рассматривают общее понятие правового статуса, имеющиеся подходы в по этому вопросу в теоретико-правовой науке, а затем, формулируют общие доктринальные представления о сущности правовых ограничений правового статуса, формируют научные представления об их разновидностях и практических подходах законодателя в этом направлении. В исследовании авторы исходят из того, что состав (множество) субъектов права не совпадает с количеством носителей правового статуса, что приводит к выводу о том, что правосубъектность (лица, органа) может иметь место, но правовой статус (а также его ограничения) при этом отсутствовать.

Авторы исследования пришли к выводу, что правовые ограничения суть характеристика действующего (позитивного) права, подразумевающая осуществленное в результате юридической процедуры изъятие одного или нескольких правомочий, (а также юридических обязанностей) из общего, специального или индивидуального правового статуса субъекта права.

Ключевые слова: субъект права, правосубъектность, правовой статус, правовое положение, правовые ограничения

Для цитирования: Пикина Т. В., Пучков О. А. Ограничения правового статуса: теоретические подходы и объяснительные концепции // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 60–69.

LIMITATIONS OF LEGAL STATUS: THEORETICAL APPROACHES AND EXPLANATORY CONCEPTS

Tatyana V. Pikina¹, Oleg A. Puchkov²

¹Ural State Law University V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia;
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia
t.v.pikina@mail.ru

²Ural State Law University. V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia
argun061@gmail.com

Abstract. The article contains a study of the actual theoretical problem of limiting the legal status. The authors proceed from the fact that this problem in real legal practice is solved by the legislator without the use of any system of rational, theoretically verified rules, norms and principles for the implementation of the restriction of legal status. Because of this, the development of theoretical foundations for the practice of applying restrictions on the legal status becomes an urgent theoretical task, for which the authors first consider the general concept of legal status, the existing approaches to this issue in theoretical and legal science, and then formulate general doctrinal ideas about the essence of legal restrictions legal status, form scientific ideas about their varieties and practical approaches of the legislator in this direction. In the study, the authors proceed from the fact that the composition (set) of subjects of law does not coincide with the number of holders of legal status, which leads to the conclusion that legal personality (of a person, body) can take place, but the legal status (as well as its limitations) this to be absent.

The authors of the study came to the conclusion that legal restrictions are a characteristic of the current (positive) law, implying the withdrawal of one or more powers (as well as legal obligations) from the general, special or individual legal status of the subject of law as a result of a legal procedure.

Keywords: subject of law, legal personality, legal status, legal status, legal restrictions

For citation: Pikina TV, Puchkov OA. Limitations of legal status: theoretical approaches and explanatory concepts. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(4):60-69. (In Russ.)

Введение

Важность проблемы теоретического осмысления ограничения правового статуса объясняется необходимостью заполнить существующие доктринальные пробелы в теории данного вопроса. Для современного правоведения (учитывая его ориентацию на познание права в его позитивных формах) наблюдается дефицит исследовательского материала относительно правового статуса и его ограничения, приходится признать известную логическую несогласованность и противоречивость подходов законодателя. Все отмеченное выше приводит к выводу о том, что проблематика ограничения правового статуса в отечественной правовой науке остается *неработанной*.

На сегодняшний день теория права видит свою основную задачу в разработке частной теории правового статуса, оставляя при этом за рамками своего внимания более частные вопросы. С практической точки зрения ограничение правового статуса субъектов права

осуществляется во всех отраслях права, однако при этом имеются известные расхождения в подходах к механизму его воплощения. Поэтому в рамках настоящей статьи цель исследования состоит в выяснении понимания правового статуса в трактовке общей теории права, а также разработке доктринальных подходов к проблеме ограничений правового статуса.

Понятие «правовой статус» оправданно считать одним из наиболее востребованных в современном позитивном праве и юридической теории. Вместе с тем, вопрос о сущности социально-правового феномена, обозначаемого данным термином, а также о содержании теоретического понятия, отражающего этот феномен в юридическом мышлении, по-прежнему остается дискуссионным. Отсюда, в теории государства и права наблюдается отсутствие единообразных представлений о носителе правового статуса, о возможности его разноплановых *изменений* (в том числе ограничения) и, кроме того, о соотношении правового статуса и правового положения,

правового состояния, правового режима и правосубъектности (право- и дееспособности).

Методы познания

Среди многочисленных путей (методов) теоретического познания правового статуса и его правовых ограничений авторы считают целесообразным применение метода теоретического знания как такой функциональной структуры, которая развертывается за счет формулировки совокупности общих понятий, принципов и гипотез, составляющих (в конечном счете) теоретическую основу юридической науки вообще, а также за счет метода абстракции объектов, объединяемых в соответствующую теоретическую схему становится возможной разработка подходов к концепции ограничений правового статуса.

Основная часть

О трактовке понятия «правовой статус» в теории права и законодательной практике. Выяснение происхождения языковой конструкции «правовой статус» дает основание для вывода, что еще в середине XX в. отечественное правоведение этого понятия не знало. Так, «Словарь русского языка» (издание 1953 г., сост. С. И. Ожегов) не содержит даже исходное понятие «статус», что дает нам основание полагать датой «рождения» этого термина в отечественной юриспруденции вторую половину XX столетия. Например, «Советский энциклопедический словарь» (издание 1979 г.) уже содержит следующее определение: «статус (от лат. *status* — положение, состояние), правовое положение (совокупность прав и обязанностей) гражданина или юридического лица» [1, с. 1279].

Специализированное издание — Юридическая энциклопедия (издание 2007 г., ред. М. Ю. Тихомиров) демонстрирует более детальный подход. В книге сформулирована общая дефиниция понятия «статус» (под которым понимается «правовое положение гражданина, юридического лица, государства, отдельной территории, характеризующееся совокупностью предусмотренных законодательством прав и обязанностей, а также льгот и преимуществ» [2, с. 818], а кроме этого раскрывается видовое понятие «правовой статус личности», под которым понимается, в частности, «комплекс социально-экономических, политических, культурных и др. гражданских прав и свобод, а также обязанностей граждан». Далее авторы разграничивают общий, специальный (родовой) и индивидуальный правовой статус.

Однако если в конце XX века понятие «правовой статус» в основном использовался как термин юридической доктрины, то с принятием Конституции Российской Федерации 1993 г. (с дополнениями 2020 г.), в тексте Основного закона этот термин используется в 10 случаях (ст. 64, 66, 70, 71, 83, 106, 137 Конституции РФ), что может рассматриваться как легальное признание законодателем важной инструментальной роли этого понятия в современной правовой мысли. Необходимо отметить, что отечественный законодатель подготовил почву для инкорпорации понятия в «правовую ткань» современной конституции. База эта выражалась в том, что в течение 1990-х — начале 2000-х годов активно принималось федеральное законодательство, в котором широко применялся термин «правовой статус» или термин «правовое положение», формулировались развернутые дефиниции. Это, в частности, такие федеральные законы, как «О статусе судей в Российской Федерации» (1992), «О статусе военнослужащих» (1998), «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (2002 г.), закон «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 22.12.2020) и др. Таким образом, можно заключить, что понятие «правовой статус» в своем развитии совершило «дрейф» от инструмента науки, инструмента познания, а только затем было включено в качестве законодательного понятия.

В чем же заключаются юридические особенности, признаки и черты правового статуса — феномена современной правовой системы, без которого немислимо функционирование его основных компонентов? Рассмотрим данный вопрос подробнее.

Начнем с анализа возможных носителей (субъектов) правового статуса. К таковым, в соответствии с научной доктриной и практикой законодательства, относятся: 1) граждане, 2) лица без гражданства, 3) иностранцы [3, с. 71], 4) семья; 5) трудовой коллектив; 6) юридические лица, 7) субъекты современных федераций, 8) нации и народности, 9) государство в целом. В силу современных тенденций развития цифрового права и тенденций судебной практики, в науке дискутируется вопрос о признании субъектами права (а значит — носителями правового статуса) цифрового образа личности [4, с. 57–60], а также искусственного интеллекта. В литературе встречаются также мнения о признании носителем правового статуса эмбриона человека [5, с. 18].

Из приведенного перечня носителей правового статуса может быть несколько выводов, имеющих значение для последующего доктринального анализа ограничений правового статуса.

Во-первых, *состав (множество) субъектов права не совпадает с количеством носителей правового статуса*. Индивид может быть субъектом права, но может не быть обладателем того или иного правового статуса. И наоборот: обладатель того или иного правового статуса может не быть субъектом права, т. е. лицом, в соответствии со своей волей и сознанием наделенным правами и обязанностями.

Во-вторых, *правосубъектность (лица, органа) может иметь место, но правовой статус при этом отсутствовать*.

В-третьих, следует различать понятия «*правовой стандарт прав и обязанностей*» [6, с. 113] и понятие «*правовой статус физического или юридического лица*». Если первый — это общепризнанный международным и национальным правом минимально допустимый и возможный набор (множество) правомочий и долженствований физического (юридического) лица, то правовой статус — это реальный, фактически принадлежащий субъекту права набор субъективных прав и юридических обязанностей.

Еще один важный момент характеристики правового статуса, понимание которого позволит нам в дальнейшем различать *ограничение* правового статуса от близкого, но не тождественного понятия — *правовой уязвимости отдельных лиц или групп*. В этом отношении важно понимать, что правовая уязвимость — это такие субъекты права, которые «в силу различных обстоятельств могут быть подвержены негативной дискриминации или права которых нуждаются в дополнительном поощрении» [7, с. 10]. Другими словами, уязвимый статус — это закрепленная в правовых актах характеристика социальных, экономических и пр. *рисков*, в которых находятся лица, индивиды, население в целом.

Ограничение же правового статуса — это характеристика действующего (позитивно-го) права, подразумевающая осуществленное в результате юридической процедуры изъятие одного или нескольких правомочий, (а также юридических обязанностей) из общего, специального или индивидуального правового статуса субъекта права.

Важным для характеристики правового статуса является мысль Н. И. Матузова о том, что «правовой статус — это комплексная категория, отражающая взаимоотношения личности и общества, гражданина и государства,

индивида и коллектива. Поэтому важно, чтобы человек правильно представлял свое положение, свои права и обязанности» [8, с. 228].

Приведем определение правового статуса личности, которое, с нашей точки зрения, позволяет раскрыть специфику его возможных и действительных правовых ограничений.

Правовой статус личности — это установленная государством и закрепленная в нормативно-правовых и правоприменительных актах совокупность субъективных прав и юридических обязанностей личности, мера (границы) которых определяется установленными органами государства правовыми ограничениями или юридической ответственностью.

Впервые в юридической науке категория «правовой статус» получила предметную разработку в работе Г. Еллинека (*G. Jellinek*) «*System der subjektiven öffentlichen Rechte*» [9]. В интерпретации Еллинека, основанной на синтезе предшествующих ему философских представлений (центральное место в которых, помимо самого по себе учения о статусе, занимает учение о свободе), правовой статус есть инвариантный формам активности субъекта набор присущих ему прав и обязанностей. Ученый, при этом, выделял несколько видов правового статуса.

Так, *status subijectionis* определялся им как исходная предпосылка, отражающая саму возможность приобретения прав и обязанностей, и характеризующая правовой статус как *tabula rasa* (по аналогии с римским *homo sacer* — человеком «вне права» [9]).

Строго говоря, пишет Еллинек, *status subijectionis* нельзя считать правовым статусом в полном смысле, поскольку в соответствующем статусе субъект еще не имеет каких-либо прав и обязанностей, но, в то же время, имеет своего рода «право на права» [9, с. 80].

Другим видом правового статуса, в концепции Г. Еллинека, является *status negativus*, в основе которого лежит идея негативной свободы («свободы от»): этот статус отражает систему прав и обязанностей, адресуемых субъекту позитивным правом с целью защиты его субъективного права (к примеру, право подвластного субъекта публичного правоотношения на неисполнение незаконного административного акта и одновременно обязанность такового совершить предусмотренные законом процессуальные действия в контексте реализации данного права) [9, с. 89–108].

Третий вид правового статуса — *status positivus* — предполагает наличие у субъекта — гражданина или подданного — системы обеспеченных государством гражданских прав и обязанностей, а также юридических

гарантий; эта разновидность правового статуса базируется на идее позитивной свободы (свободы действия по своему усмотрению) и вбирает в себя систему прав и обязанностей субъекта частного права [9, с. 109–129].

Последний вид правового статуса, выделяемый Еллинеком (*status activus*), отражает права и обязанности, имеющие публично-правовую (политико-правовую) природу и придаваемые субъекту как участнику отношений властеотношений [9, с. 129].

Предложенная Г. Еллинеком концепция правового статуса получила широкое распространение в западноевропейской юридической доктрине: по замечанию современного автора Г. Киршхофа (*G. Kirchhof*), учение Еллинека о правовом статусе фактически стало парадигмальным для правоведения [11, с. 32]. Впоследствии данная концепция получила развитие в теоретико-правовых исследованиях. Например, в 1971 г. П. Хеберле (*P. Häberle*) дополняет учение Еллинека категорией *status activus processualis*, понимая под ним правовой статус субъекта, приобретаемый им в качестве участника процессуально-процедурных правоотношений [12, с. 43]. Позднее В. Брюггер (*W. Brugger*) осуществляет ревизию теории Г. Еллинека, избирая в качестве методологического основания модели взаимоотношений между государством и гражданином (*Staat-Bürger-Verhältnis*); В. Брюггер вводит дополнительные универсализации правового статуса (помимо предложенных Еллинеком), такие как *status culturalis*, отражающий систему общих прав и обязанностей субъекта в сфере культуры, *status Europaeus* (права и обязанности субъекта, возникающие в контексте его правовой связи с европейскими сообществами) и *status universalis* (права и обязанности субъекта как дестинатора в международном праве) [13, с. 238–239].

Таким образом, европейский подход к пониманию правового статуса имеет как сходства, так и различия с отечественным. Схожим элементом в обеих доктринах выступает исходное понимание правового статуса как взаимосвязанной системы прав и обязанностей субъекта. В свою очередь, основаниями различия данных подходов выступают следующие:

— в *отечественной модели* основанием дифференциации правового статуса выступает системно-структурная дифференциация уровней правового регулирования, на основании которой выделяются, соответственно, общий (конституционный), родовой (статус субъекта отраслевого правоотношения) и индивидуальный (статус субъекта *конкретного*

правоотношения); в *европейской модели* таким основанием выступает идея о видах свободы (у Еллинека) и о типах правовых связей между гражданином и государством (у современных ученых);

— в *отечественной модели* учение об элементарном составе правового статуса развивается в русле двух подходов («широкого» и «узкого»); в европейской модели соответствующие представления организованы соответственно «узкому» подходу;

— в *отечественной модели* понятийно-терминологические основания теории правового статуса являются неопределенными (в контексте соотношения правового статуса и, к примеру, правового положения, правового состояния), в *европейской модели* — устоявшимися.

Основываясь на анализе приведенных представлений, уместно сформулировать следующее определение правового статуса. *Под правовым статусом следует понимать организованную в соответствии с уровнями правового регулирования систему субъективных прав и юридических обязанностей, обуславливающих формы правовой деятельности субъекта и устанавливающих границы его допустимого социально-правового поведения.*

Ограничение правового статуса: исходные положения. В теории права ограничение правового статуса принято рассматривать как частный случай правового ограничения [14, с. 18]; последнее, при этом, обычно рассматривается как правовой фактор (обязывание, запрет), направленный на превенцию противоправного поведения, а также как сужение объема прав субъекта [15, с. 234]. При этом основная функция правового ограничения, выделяемая в литературе, заключается в воспрепятствовании реализации интереса одного субъекта и в релевантном ему создании возможности такой реализации для другого субъекта [16, с. 240].

Рассматривая феномен ограничения правового статуса в предложенной логике, можно прийти к выводу, что такое имеет своим основанием имевшее место ранее, наличное или потенциальное протиправное (либо противное охраняемым законом интересам другого лица) поведение субъекта. В частности, именно такой подход прослеживается в исследованиях, посвященных ограничению правового статуса осужденных к лишению свободы [17, с. 75], дисквалифицированных лиц [18, с. 109] и т. п.

Изложенный выше подход является неоправданно узким, в том смысле, что связывает ограничение правового статуса лишь

с фактом совершения (либо с риском совершения) противоправного деяния. В то же время представляется, что ограничение правового статуса возможно и по другому основанию (например, для сохранения правового *status quo* для целей реализации функций правового регулирования в конкретной сфере общественных отношений).

В качестве примера обратимся к институту арбитражного управления в конкурсном праве России. Известно, что в конкурсном праве одной из ключевых фигур выступает арбитражный (финансовый, конкурсный и т. д.) управляющий, задача которого состоит в надлежащей реализации процедур несостоятельности и обеспечении баланса интересов должника, конкурсных кредиторов и общества в целом. При этом, своеобразие правового статуса арбитражного управляющего заключается в том, что он может одновременно выступать в качестве самостоятельного субъекта (индивидуального предпринимателя, выполняющего функции арбитражного управления с целью извлечения прибыли), лица, реализующего публично-правовые полномочия (надзорные и управленческие) в отношении должника, а также (в процедурах внешнего управления и конкурсного производства) единоличного исполнительного органа юридического лица, формирующим или восполняющим его правосубъектность [19, с. 10]. Наибольший интерес здесь представляет именно последний аспект, характеризующий правовой статус арбитражного управляющего, поскольку в этом контексте актуализируется вопрос о границах его правового статуса в качестве управляющего в деле о банкротстве, с одной стороны, и в качестве руководителя несостоятельной организации, с другой.

На этот счет отечественной юриспруденцией (как современной, так и дореволюционной) выработано множество концепций правового статуса арбитражного управляющего, действующего в качестве руководителя организации-должника, в частности:

— теория представительства, согласно которой, становясь руководителем несостоятельной организации, арбитражный управляющий не приобретает релевантный правовой статус, но действует лишь как ее представитель [20, с. 37; 24];

— трудовая теория, в соответствии с которой в этом случае арбитражный управляющий приобретает статус работника организации [21, с. 27];

— публичная теория, исходящая из того, что в силу публичного характера арбитражного управления, арбитражного управляющего,

приобретшего статус руководителя банкрота, следует считать публичным должностным лицом, а его правовой статус — неизменным [22; 25].

Вместе с тем, законодательство о несостоятельности (в частности, статья 99 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹) позволяет судить о том, что, даже приобретая статус единоличного исполнительного органа организации-должника, арбитражный управляющий не становится фигурой, «замещающей» должника в конкурсном процессе, и сохраняет присущие ему права и обязанности; руководство несостоятельным должником выступает, в этом смысле, лишь правовым инструментом, необходимым для реализации функций арбитражного управления, что позволяет судить о том, что, даже становясь руководителем организации-банкрота, арбитражный управляющий не приобретает релевантный правовой статус в смысле п. 1 ст. 53 Гражданского кодекса РФ² (далее — ГК РФ). В этом смысле, оправданно считать, что арбитражный управляющий приобретает только *функцию руководства несостоятельной организацией*, но не становится всецело ее единоличным исполнительным органом (хотя бы потому, что в этом случае имело бы место совпадение должника и управляющего — как качественно разных фигур как в материально-правовом, так и в процессуальном смыслах — в одном лице).

Возможно ли описать данную ситуацию как ограничение правового статуса арбитражного управляющего? По нашему мнению, оснований считать иначе нет, поскольку всякое ограничение есть *определение границ*, применительно к праву — границ возможного поведения, и в приведенном случае таковое, несомненно, присутствует. Между тем, такое ограничение не имеет своим основанием риск или наличие какого-либо противоправного поведения: таковым являются исключительно цели нормального функционирования арбитражного управления. Иначе говоря, оправданно утверждать, что ограничение правового статуса не всегда означает уменьшение объема прав и обязанностей; в ряде случаев (в том числе и в приведенном) таковое, напротив,

¹ О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.06.2022).

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 16.06.2022).

предполагает его увеличение, но в такой мере, которая не позволит исходному правовому статусу «трансформироваться» в иной. В свете сказанного важно отметить, что права и обязанности, будучи структурными элементами правового статуса, образуют таковой лишь тогда, когда их объем и содержание носят *комплексный характер*. В иных случаях, когда правовой статус субъекта дополняется *частью* прав и обязанностей, присущих правовому статусу другого субъекта, допустимо говорить лишь об *ограничении правового статуса*, выражающемся в частичном увеличении объема права и обязанностей субъекта.

Таким образом, можно сделать вывод, что ограничение правового статуса оправданно понимать как *всякое определение юридических «границ» поведения субъекта*. В этом смысле, подобное определение, предполагающее уменьшение объема прав и обязанностей субъекта, допустимо обозначить как *«позитивное ограничение правового статуса»*.

В качестве примера обратимся к арбитражному делу № А32-2554/2016. Согласно материалам дела, арбитражным управляющим были несвоевременно опубликованы в Едином федеральном реестре сведений о фактах деятельности юридических лиц (далее — ЕФРСФДЮЛ) сведения о введении в отношении должника процедуры наблюдения, подлежащие обязательному опубликованию в соответствии с п. «н» ч. 7 ст. 7.1 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»¹. На данном основании территориальным управлением Росреестра был составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном частью 3 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях², а впоследствии — предъявлено в арбитражный суд заявление о привлечении арбитражного управляющего к административной ответственности. Решением арбитражного суда первой инстанции³, оставленном без изменения Пятнадцатым арбитражным

апелляционным судом⁴ и Арбитражным судом Северо-Кавказского округа⁵, заявление было удовлетворено.

Впоследствии, обжалуя состоявшиеся по делу судебные акты в Верховный Суд, арбитражный управляющий выдвинул довод о том, что его деяние подлежит переквалификации с ч. 3 ст. 14.13 (неправомерные действия при банкротстве) на ч. 7 ст. 14.25 КоАП РФ (непредставление или представление недостоверных сведений о юридическом лице или об индивидуальном предпринимателе в ЕФРСФДЮЛ). Однако Верховный Суд не поддержал соответствующую позицию, отметив, что арбитражный управляющий в деле о банкротстве имеет особый публично-правовой статус, который, помимо прочего, предполагает наличие обязанности нести неблагоприятные последствия своего неправомерного поведения. В этом смысле Верховный Суд отметил, что нормы ч. 7 ст. 14.25 и ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ соотносятся между собой как общая и специальная соответственно. Верховный суд счел, что переквалификация содеянного означала бы возможность заявителя избежать ответственности, являющейся (в форме релевантной обязанности) неотъемлемым элементом его специального правового статуса. На данном основании, отмечая специфику правового статуса арбитражного управляющего, Верховный Суд пришел к выводу, что данный участник дела о банкротстве несёт административную ответственность *только* по ч. 3 и 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ⁶. Впоследствии к правовой позиции, сформулированной Верховным Судом в данном деле, неоднократно обращались нижестоящие арбитражные суды⁷. Изложенное позволяет судить о том, что в рассматриваемом деле также имело место ограничение

⁴ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 апреля 2016 г. № 15АП-5655/2016 по делу № А32-2554/2016 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.06.2022).

⁵ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 6 июля 2016 г. № Ф08-4352/2016 по делу № А32-2554/2016 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.06.2022).

⁶ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 24 октября 2016 г. № 308-АД16-13393 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.06.2022).

⁷ См., например: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25 апреля 2017 г. № Ф03-1215/17 по делу № А04-3520/2016 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.06.2022); Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 16 декабря 2020 г. № Ф08-9882/2020 по делу № А32-16838/2020 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.06.2022).

¹ О государственной регистрации недвижимости; Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

³ Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 16 марта 2016 г. по делу № А32-2554/2016 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.06.2022).

правового статуса, но существо такого ограничения состояло не в уменьшении или увеличении объема прав и обязанностей субъекта, а в сохранении его в очерченных законом «границах».

Наши научные положения о позитивных правовых ограничениях находят себе доктринальную опору в теории позитивной юридической ответственности. Сторонники этой научной концепции (например, П. Е. Недбайло, С. Н. Кожевников, Т. Н. Радько и др.) полагают, что пора отказаться от монизма в понимании видов юридической ответственности, при которой существует только один вид ответственности в праве — ретроспективная юридическая ответственность, понимаемое как явление, наступающее за действия (бездействия), совершенные в прошлом. В частности, согласно позиции Т. Н. Радько, позитивная юридическая ответственность — это «необходимость совершать определенные действия, а не только кара; возможность действовать в определенном направлении; активна позитивная обязанность; долг, вытекающий из правового предписания и т. п.» [23]. Автор справедливо полагает, что позитивная юридическая ответственность, наряду с позитивным ограничением права составляют важные элементы правового статуса личности, должностного лица, иных субъектов права. Действительно, при установлении правового статуса названных субъектов законодатель *предвидит* кто должен нести ответственность за действия определенных юридически значимых действий и *устанавливает* соответствующие этому правовые ограничения позитивного характера. Так, в п. 3 ст. 3 федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации» установлено, что «судья не вправе... публично выражать свое отношение к политическим партиям и иным общественным объединениям¹. Как можно убедиться, это положение устанавливает ограничения на предстоящую деятельность судьи, что соответствует нашему утверждению о позитивных правовых ограничениях.

Наконец, третьим видом ограничений правового статуса, на наш взгляд, являются «*негативные ограничения*», представляющие собой уменьшение объема прав и обязанностей субъекта и обусловленные его имевшим место ранее, наличным или потенциальным противоправным поведением. Примером здесь

могут служить запрет лицам, имеющих непогашенную или неснятую судимость, занимать определенные должности, ограничения административно- и уголовно-процессуального характера, обусловленные текущим неправомерным поведением и т. п.

Выводы

Сформулируем основные выводы.

1. Ограничение правового статуса в качестве теоретического понятия не следует рассматривать в качестве видового по отношению к общему понятию о правовых ограничениях. С учетом изложенного, полагаем возможным определить ограничение правового статуса как *целенаправленный комплекс правовых средств, направленных на установление (определение) объема прав и обязанностей субъекта*. В их числе — *позитивные ограничения* (связанные с увеличением объема прав и обязанностей), инвариантные ограничения (направленные на сохранение юридического status quo субъекта) и негативные ограничения (представляющие собой уменьшение объема прав и обязанностей субъекта, либо лишение (постоянное или временное) возможности реализации субъективного права).

2. Несмотря на активное использование терминов «правовой статус» и «ограничение правового статуса», теория государства и права на данный момент не выработала единообразного подхода к определению *теоретических понятий*, обозначаемых данными терминами, а равно — к выявлению социально-правовой сущности релевантных феноменов. Анализируя исследования правового статуса в советской и современной юриспруденции, допустимо сделать вывод, что научно-метафорический характер данного термина, введенного И. А. Ильиным, не был учтен юристами при разработке соответствующего понятия; вследствие этого основные акценты современных юридических исследований находятся в области объема данного понятия, но не его содержания.

3. Опыт юридической компаративистики показал, что отечественное понимание правового статуса (в его сравнении с европейским подходом) обнаруживает как сходства, так и различия. Схожим элементом в обеих доктринах выступает исходное понимание правового статуса как взаимосвязанной системы прав и обязанностей субъекта. В свою очередь, основаниями различия данных подходов выступают следующие:

— в *отечественной модели* основанием дифференциации правового статуса выступает системно-структурная дифференциация

¹ О статусе судей в Российской Федерации : Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 05.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.06.2022).

уровней правового регулирования, на основании которой выделяются, соответственно, общий (конституционный), родовой (статус субъекта отраслевого правоотношения) и индивидуальный (статус субъекта *конкретного* правоотношения); в *европейской модели* таким основанием выступает идея о видах свободы (у Еллинека) и о типах правовых связей между гражданином и государством (у современных ученых);

— в отечественной модели учение об элементарном составе правового статуса развивается в русле двух подходов («широкого» и «узкого»); в европейской модели соответствующие представления организованы соответственно «узкому» подходу;

— в *отечественной модели* понятийно-терминологические основания теории правового статуса являются неопределенными (в контексте соотношения правового статуса и, к примеру, правового положения, правового состояния), в *европейской модели* — устоявшимися.

4. На основании критического анализа представлений о правовом статусе, выработанных теоретической наукой о государстве и праве, сформулировано понятие ограничений правового статуса как организованной в соответствии с уровнями правового регулирования системы субъективных прав и юридических обязанностей, обуславливающих формы правовой деятельности субъекта

и устанавливающих *границы его допустимого* социально-правового поведения.

5. Теоретические представления об ограничении правового статуса организованы, главным образом, на идее о том, что оно выступает частным случаем правового ограничения и связывается лишь с фактом совершения (либо с риском совершения) противоправного деяния. Правовые ограничения при этом рассматриваются исключительно как меры негативного характера, представляющие собой либо непосредственное «аннулирование» прав и обязанностей, либо запрет на реализацию субъективного права. Критика такого подхода по философско-методологическим основаниям позволила сформулировать следующее определение ограничения правового статуса: это целенаправленный комплекс правовых средств, направленных на установление (определение) объема прав и обязанностей субъекта.

6. Правовые средства, образующие структуру ограничения правового статуса, подразделяются на позитивные ограничения (связанные с увеличением объема прав и обязанностей и позитивной юридической ответственностью), инвариантные ограничения (направленные на сохранение юридического status quo субъекта) и негативные ограничения (представляющие собой уменьшение объема прав и обязанностей субъекта, либо лишение (постоянное или временное) возможности реализации субъективного права).

Список источников

1. Советский энциклопедический словарь. Москва : Сов. энциклопедия. 1979. 1600 с.
2. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва, 2007. 972 с.
3. Васильева Т. А. Эволюция конституционно-правового статуса иностранцев в странах западной демократии // Государство и право. 2009. № 3. С. 63–71.
4. Пучков В. О. Цивилистическая доктрина цифровой эпохи : методологические, теоретические и прикладные проблемы. Москва : Проспект, 2020. 272 с.
5. Крылатова И. Ю. Право ребенка на жизнь как элемент основ конституционного строя // Российское право. Образование, практика, наука. 2017. № 4. С. 13–21.
6. Голубок С. А. Международно-правовые стандарты права на судебную защиту // Правоведение. 2007. № 1. С. 112–124.
7. Несмеянова С. Э., Калинина Е. Г. Концепция уязвимости отдельных групп лиц: международный и национальный опыт // Российское право. Образование, практика, наука. 2017. № 4. С. 7–12.
8. Матузов Н. И. Право и личность. Общая теория права : курс лекций / под ред. В. К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993. 544 с.
9. Ellinek G. System der subjektiven öffentlichen Rechte. Freiburg im Breisgau, 1892.
10. Arendt H. Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. Antisemitismus, Imperialismus, totale Herrschaft. München, 2001.
11. Kirchhof G. Der rechtliche Schutz vor Feinstaub — subjektive öffentliche Rechte zu Lasten Vierter? Der Wechsel vom Emissions- zum Immissionsprinzip im Luftqualitätsrecht und die Folgen für das subjektive öffentliche Recht und die Verhältnismäßigkeitsprüfung // Archiv des öffentlichen Rechts. 2010. Vol. 135. No. 1. P. 32.
12. Häberle P. Grundrechte im Leistungsstaat // Vereinigung der Deutschen Staatsrechtslehrer. 1972. Bd. 30. P. 43 ff.

13. Brugger W. Zum Verhältnis von Menschenbild und Menschenrechten // «Vom Rechte, das mit uns geboren ist»: Aktuelle Probleme des Naturrechts. Freiburg im Breisgau, 2007. P. 238–239.
14. Умарова А. А. Институт правовых ограничений: общетеоретическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2018.
15. Маковецкая М. Г. Понятие правовых ограничений прав и свобод человека // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6 (1). С. 233–237.
16. Малько А. В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 238–248.
17. Бочкарев В. В. Уголовно-исполнительные средства реализации частно-предупредительной функции наказания в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2017.
18. Ефимов А. В. Признаки, основания и гражданско-правовые последствия аффилированности юридических лиц : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018.
19. Тай Ю. В. Правовые проблемы арбитражного управления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005.
20. Гессен Я. М. Устав торговый с разъяснениями. Санкт-Петербург, 1910.
21. Скареев Г. И. Правовая сущность арбитражных управляющих // Предпринимательское право. 2007. № 4. С. 27–31.
22. Богданов Е. В. Правовое положение арбитражного (судебного) управляющего // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 8. С. 74–80.
23. Радько Т. Н. Основные подходы к понятию юридической ответственности в современной юридической науке // Проблемы юридической ответственности. Москва : МИЭП, 2006. С. 7–14.
24. Говоруха М. А., Егоров А. В., Телюкина М. В. Полномочия конкурсного управляющего и теоретические проблемы определения его статуса // Юридический мир. 1999. № 1-2. С. 32–38.
25. Гальперин С. И. Права и обязанности присяжного попечителя по делу о торговой несостоятельности. Екатеринбург, 1898.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 23.08.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 07.09.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.09.2022.